

ПОТОМОКЪ МУРЗЫ БАГРИМЫ

Къ столѣтїю со дня смерти Г. Р. Державина. 1743—1816 г.

Однажды сенатскій чиновникъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ, обѣдая, какъ повѣствуется въ его запискахъ, у своего начальника кн. Вяземскаго, былъ крайне пораженъ внезапнымъ появленіемъ почтальона, передавшаго ему большой пакетъ съ надписью: „Изъ Оренбурга, отъ Киргизской Царевны, мурзѣ Державину“. Вскрывъ пакетъ, Державинъ нашелъ въ немъ золотую табакерку, осыпанную брилліантами и наполненную новенькими червонными. „Что это за подарки отъ киргизцевъ?“ проворчалъ было хозяинъ, но потомъ, разсмотрѣвъ модную табакерку, улыбнулся и прибавилъ „хорошо, братецъ, вижу и поздравляю“. Посланіе съ цѣннымъ подаркомъ было отъ императрицы Екатерины, вознаграждавшей Державина за „Оду къ премудрой Киргизкайсаккой Царевнѣ Фелицѣ“, написанную въ 1782 году и напечатанную впервые въ 1-ой книжкѣ Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова за 1783 г. Съ этого времени Державинъ сталъ признаннымъ русскимъ поэтомъ, т. к. русскій дворъ временъ Екатерины былъ въ то же время и литературнымъ салономъ, въ которомъ процвѣтали таланты.

Значеніе Державина, какъ поэта, обладавшаго громаднымъ дарованіемъ и сдѣлавшаго въ области русской поэзіи большой шагъ впередъ, т. к. онъ сумѣлъ почти совсѣмъ отрѣшиться отъ искусственности и напыщенности своихъ предшественниковъ, слишкомъ извѣстно, чтобы приходилось на немъ останавливаться. Достаточно извѣстно также и то, что онъ счелъ возможнымъ соединить оду съ сатирою, и такимъ образомъ, „первымъ дерзнулъ въ забавномъ русскомъ словѣ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласить, въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ, и истину парямъ съ улыбкой говорить“. Напротивъ, сравнительно очень мало

известно, что Державинъ является также и авторомъ любопытнѣйшихъ записокъ, охватывающихъ огромный періодъ съ 1743 по 1812 годъ. *Записки* эти, подъ заглавіемъ „Записка изъ известныхъ всѣхъ происшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ, заключающая въ себѣ жизнь Гаврилы Романовича Державина“, писаны были имъ между 1808 и 1812 годами, уже на седьмомъ десяткѣ лѣтъ отъ роду, безъ помощи какихъ либо предварительныхъ замѣтокъ, исключительно по памяти, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется нѣкоторая неточность и сбивчивость изложенія. *Записки* эти являются не только мемуарами, но также и родомъ отчета о военной и гражданской дѣятельности поэта, чему не приходится удивляться, такъ какъ известно, сколь высоко цѣнилъ Державинъ свою служебную дѣятельность, сказавши даже по этому поводу: „за слова—меня пусть гложетъ, за дѣла—сатирикъ чтить“. Не будучи, такимъ образомъ, *воспоминаніями* въ узкомъ смыслѣ этого слова, *Записки* эти, очень оригинально ведомыя отъ третьяго лица, даютъ, всетаки, богатѣйшій матеріалъ для познанія нравовъ и быта Россіи второй половины XVIII вѣка. Для читателя постепенно развертывается: сперва картина провинціальной жизни русскаго общества почти на границахъ Азіи, жизни, не лишенной, несмотря на отдаленность ея отъ культурныхъ центровъ того времени, стремленія къ просвѣщенію, хотя, конечно, и изобилующей съ современной точки зрѣнія разными курьезами и архаичностями; на смѣну ей приходятъ сцены петербургской военной жизни, петергофскій переворотъ, казнь безумнаго Мировича, кровавые дни пугачевщины, мирныя занятія Правительствующаго Сената, омрачающіяся иногда неладами высокихъ вельможъ, громкія побѣды „екатеринскихъ орловъ“, кончина великой монархини, съ прахомъ которой авторъ *Записокъ* „простился съ пролитіемъ источниковъ слезъ“, фантастическое царствованіе мальтійскаго кавалера и наконецъ „дней александровыхъ прекрасное начало“. Будучи чѣмъ то въ родѣ „сенатской меморіи“, *Записки* Державина въ то же время изобилуютъ и мелочами повседневной жизни, что дѣлаетъ ихъ, конечно, особенно цѣнными и интересными, т. к. за подробностями этими чувствуется біеніе подлинной жизни, нынѣ канувшей въ рѣку временъ. Любопытный читатель наряду съ описаніемъ пугачевского бунта, законодательной дѣятельности екатерининской эпохи и т. под., узнаетъ также и о томъ, что „пензенской молодой дворянинъ, слабой по уму, но довольно достаточный по имуществу“ влюбился въ нѣкую даму, которая вмѣстѣ съ мужемъ шарлатаномъ завлекаетъ его, чтобы обратить“; узнаетъ о карточной и биллиардной игрѣ, во время которой люди неопытные становятся жертвами шуллеровъ, узнаетъ, что авторъ *Записокъ* по производствѣ въ прапорщики „жилъ хотя бѣдно, однако же порядочно, устраняясь отъ всякаго развратнаго

сообщества; ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою“, что „въ семь году (1777 г.) случилось съ нимъ (Державинымъ), нѣсколько сначала забавное приключеніе, но послѣ важное, которое перемѣнило его жизнь“, а именно: Державинъ, будучи секундантомъ поединка, окончившагося вполне благополучно, ибо дуэлянты помирились и „тутъ зашли въ трактиръ, выпили по чашкѣ чаю, и охотники цуншу, кончили страшную войну съ обоюднымъ триумфомъ“, ѣздилъ по дѣламъ поединка на Васильевскій островъ къ члену Герольдіи Тредіаковскому и у него познакомился съ дочерью кормилицы вел. кн. Павла Петровича, г-жею Бастидонъ, 17-лѣтней красавицей, страшно заинтересовался ею, на другой же день послѣдовалъ за нею въ маскарадъ и, въ результатъ, женился. Живописуя давно-прошедшую старину съ ея причудами и розмахомъ, *Записки* даютъ также полную и послѣдовательную исторію жизни автора ихъ, со дня рожденія его по годъ Отечественной войны.

Гавріиль Романовичъ Державинъ родился отъ благородныхъ родителей въ 1743 году, 3-го іюля, въ Казани. Родъ свой Державины вели отъ мурзы Багримы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды еще при вел. кн. Василии Ивановичѣ Темномъ. Въ раннемъ дѣтствѣ, по собственнымъ словамъ поэта, онъ былъ такъ малъ, слабъ и худъ, что „по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному, должно было его запекать въ хлѣбъ, дабы получилъ онъ сколько нибудь живности“. Несмотря на такой оригинальный способъ леченія (а какъ знать, можетъ быть и благодаря ему?), будущій поэтъ не только выжилъ, но и благополучно достигъ глубокой старости, всегда отличаясь хорошимъ здоровьемъ. Его родители будучи людьми скромнаго достатка, всетаки постарались дать способному мальчику нѣкоторое образованіе. Читать и писать онъ былъ наученъ дома церковникомъ, а когда отецъ по службѣ перевелся въ Оренбургъ, то онъ сталъ брать уроки нѣмецкаго языка у сосланнаго въ этотъ городъ нѣмца Іосифа Разе. Относительно послѣдняго, ученикъ его, въ своихъ *Запискахъ*, вспоминаетъ на склонѣ лѣтъ, что „сей паставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ рассказывать здѣсь было бы отвратительно“. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, Державинъ вполне усвоилъ нѣмецкій языкъ и по свидѣтельству баснописца И. И. Дмитріева, кромѣ этого, никогда не зналъ никакого другого иностраннаго языка, въ чемъ нѣтъ ничего особеннаго, т. к. въ первую половину XVIII вѣка проводникомъ европейской образованности у насъ являлся, именно, нѣмецкій языкъ.

французскій же сталъ быстро распространяться лишь съ царствованія Екатерины II, въ предыдущее же царствованіе только еще начиналъ входить въ употребленіе. Впрочемъ незнаніе французскаго языка нисколько не повредило начитанности Державина, т. к. по русскимъ и нѣмецкимъ переводамъ онъ былъ прекрасно знакомъ, какъ съ современной ему европейской литературой, такъ и съ классиками, и въ его произведеніяхъ встрѣчаются подражанія и переводы изъ латинскихъ, греческихъ, французскихъ и итальянскихъ писателей.

По смерти мужа, мать отдала Державина во вновь открывшуюся гимназію въ Казани, стремясь дать ему болѣе законченное и систематическое образованіе, хотя по признанію будущаго пѣвца Фелицы, преподаваніе тамъ стояло не высоко, т. к. учили: „вѣрѣ безъ катехизиса, ариметикѣ безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ“. Матери Державина пришлось какъ вдовѣ, претерпѣть не мало горя и притѣсненій въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ и судахъ и „такое страданіе матери отъ неправосудія, вѣчно осталось запечатлѣннымъ въ сердцѣ“ сына мальчика, доживавшагося вмѣстѣ съ ней въ пріемныхъ. Воспоминаніе объ этомъ было такъ сильно, что Державинъ, по свидѣтельству его *Записокъ*. „будучи потомъ въ высокихъ достоинствахъ, не могъ сносить равнодушно неправды и притѣсненія вдовъ и сиротъ“. И дѣйствительно, во все время своего долгаго служебнаго поприща, Державинъ въ тотъ вѣкъ, когда Русь была черна въ судахъ неправдой, являлся образцомъ идеально честнаго и неподкупнаго администратора.

Подобно всѣмъ дворянамъ того времени, Гавріилъ Романовичъ уже съ семилѣтняго возраста былъ зачисленъ въ военную службу, которую началъ въ Петербургѣ въ Преображенскомъ полку съ 1762 года еще при Петрѣ III.

Не имѣя никого знакомыхъ въ столицѣ, онъ, какъ рядовой, принужденъ былъ жить въ казармѣ вмѣстѣ съ даточными солдатами и ихъ женами. Дни приходили въ военныхъ занятіяхъ, а по ночамъ Державинъ „читалъ книги, какія гдѣ достать случалось, нѣмецкія и русскія, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ, которые никому не показывалъ“. Хотя въ своихъ *Запискахъ* онъ стремится описывать по преимуществу свою служебную дѣятельность, однако онѣ дають наглядное представленіе о томъ, какъ шло его развитіе и его литературныя занятія. Изъ нихъ видно, что куда бы ни забрасывала его судьба, всюду онъ „упражнялся въ чтеніяхъ книгъ и кропаніи сти-

ховъ“. На ряду съ этимъ онъ совершенно откровенно рассказываетъ и о своихъ заблужденіяхъ, о пристрастіи къ карточной игрѣ, которое не разъ ставило его въ затруднительное положеніе, однако тутъ же прибавляетъ, что „когда не имѣлъ денегъ, то никогда въ долгъ не игралъ, не занималъ оныхъ и не старался какимъ либо переворотомъ отыгриваться или обманами и лжами доставать деньги“. Въ такихъ случаяхъ онъ предпочиталъ сидѣть запершись дома и писать стихи „при слабомъ иногда свѣтѣ полушечной сальной свѣчки, или при сіяніи солнечномъ, сквозь щелки затворенныхъ ставней.“

Не имѣя сильныхъ покровителей и, будучи отъ природы характера вспыльчиваго, Державинъ сначала весьма медленно поднимался по служебной лѣстницѣ. Лишь черезъ десять лѣтъ своей службы, былъ онъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ—гвардіи прапорщикомъ, въ ту же 16 роту, въ которой служилъ фельдфебелемъ. Впрочемъ, за участіе въ подавленіи пугачевского мятежа, уже въ офицерскихъ чинахъ, онъ былъ награжденъ помѣстьемъ въ 300 душъ въ Бѣлоруссіи и пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, съ переводомъ на гражданскую службу, причемъ государыня предписала дать ему мѣсто „по его способности“. На гражданской службѣ Державинъ достигъ, въ общемъ, высокихъ степеней, будучи послѣдовательно: губернаторомъ, статсъ-секретаремъ императрицы, сенаторомъ, президентомъ Камеръ-коллегіи, членомъ Верховнаго совѣта и Государственнаго казначейства и, наконецъ, при Александрѣ I министромъ юстиціи. Не мало пришлось ему перенести неприятностей и столкновеній при прохожденіи этой іерархической лѣстницы, т. к. неуступчивый потомокъ татарскаго князя не склонялъ въ вѣкъ фаворитизма своей головы передъ сильными міра сего и не боялся въ дни могущества Потемкина рѣзко критиковать промахи его дѣятельности, хотя онъ же въ одѣ на его смерть почтилъ умершаго титуломъ „великолѣпнаго князя Тавриды“. Но въ общемъ, съ 80-хъ годовъ, т. е. со времени, т. сказ., официального признанія его поэтическихъ заслугъ, жизнь его, несмотря на нѣкоторыя тренія, протекала вполне благопріятно. Онъ достигъ почетнаго положенія, литературной славы и матеріальнаго достатка.

Семейная его жизнь, охраняемая *Пльмирой-Екатериной*, была очень счастлива, т. к. жена Державина по общему отзыву современниковъ отличалась красотой, умомъ и добротой. Удалившись отъ государственныхъ дѣлъ, онъ приступилъ къ составленію своихъ *Записокъ*¹⁾, которыя по интересу и историческому значенію должны быть

¹⁾ *Записки* Державина обнародованы въ „Русской Бесѣдѣ“ въ 1860 г. П. И. Бартевнымъ.

поставлены на ряду съ записками самой Екатерины, кн. Дашковой и кн. Щербатова. Последніе годы своей жизни Гавріиль Романовичъ мирно проводилъ—зимою на Фонтанкѣ въ Петербургѣ, лѣтомъ въ своемъ помѣстьѣ, неоднократно воспѣтой имъ Званкѣ, на берегу Волхова. Въ своей домашней жизни, и въ городѣ и въ деревнѣ, Державинъ рисуется, какъ хлѣбосольный русскій хозяинъ, обычно облеченный въ шлафрокъ и копакъ, зорко слѣдящій за достаткомъ своего дома, любящій столъ, заставленный блюдами и виномъ, которыя онъ мастерски воспѣваетъ въ своихъ стихахъ и которыми онъ готовъ, по старому русскому обычаю, подчевать и званнаго и незваннаго. Да и вообще за всѣми Пльнирами, Фелицами, Прондами и Милсами Державина, несмотря на всю ихъ неподдѣльную искренность, чувствуется въ немъ вѣяніе настоящей, кондовой, еще до-петровской Руси. Чувствуется тотъ обликъ исконнаго русскаго человѣка, который позднѣе выступаетъ въ семейной хроникѣ семьи Аксаковыхъ.

Уже ветхій денемъ, признанный царь русской поэзіи, имѣлъ онъ великое счастье первымъ признать и благословить, сходя во гробъ, великаго Пушкина, какъ бы возлагаая на его юную главу корону своего угасающаго величія.

8 іюля 1816 года Державинъ мирно смежилъ очи въ своей излюбленной Званкѣ. Прахъ его погребенъ неподалеку отъ Новгорода въ Хутынскомъ монастырѣ.

Вл. Л. Снегиревъ.

